

Юрий Григорьевич Косарев

Герой советского времени

Юрий Косарев

Герой советского времени

«Издательские решения»

Косарев Ю. Г.

Герой советского времени / Ю. Г. Косарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746875-0

Рассказы по дневнику рядового сотрудника, по его воспоминаниям — серьезные, смешные и грустные. Познакомьтесь с бытом и жизнью советского товарища.

ISBN 978-5-44-746875-0

© Косарев Ю. Г.
© Издательские решения

Герой советского времени

Юрий Григорьевич Косарев

© Юрий Григорьевич Косарев, 2018

ISBN 978-5-4474-6875-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь верхов советского, послевоенного периода России опишут досконально. По косточкам разберут житие генсеков, председателей горкомов, обкомов и прочих. Раздета-лируют жизни первых лиц в культуре и искусстве, в армии и космосе. А быт, работу, стрем-ления и просто жизнь миллионов простых советских граждан, то есть истинное лицо России, во многом может быть утрачено навсегда. Уже прошло более четверти века с первых публич-ных антисоветских выступлений. Миг в истории. Но еще один такой миг и в живых не оста-нется свидетелей в здравом уме и доброй памяти.

Рассказы, созданные по дневнику инженера, по его уже полузабытым воспоминаниям, помогут увидеть тот период истории России без искажения временем и идеологией.

Автор – Косарев Юрий Григорьевич

Поездка

Шла по улице женщина, уставшая, видимо издавела с сумкой через плечо. Навстречу бежит мальчишка лет восьми, девяти.

– Стой мальчик, что случилось, как будто все взбесились, орут, не пойму я?

– Дура бабка – победа.

– Врешь пацан?

Парнишка дернул ногтем большого пальца правой руки за верхний зуб, резко провел себе по горлу и заорал.

– Сукой буду – победа.

И дальше побежал. Это был Коля Степанов.

Он прибежал домой обрадовать мать, но та уже знала.

– Мама, победа – знаешь?

– Знаю, знаю сынок, папа писал нам с тобой, чтоб мы приезжали к нему после победы. Теперь будем готовиться. Хочешь поехать?

– Очень хочу, а далеко это?

– Да, очень далеко. Мы с тобой так далеко еще не ездили. Помнишь, в войну, мы ездили к бабушке с дедушкой в деревню?

– Помню, конечно. Я там еще солдатам пел, а они мне давали или кусочек сахара или печенье.

– Так вот до деревни триста пятьдесят километров от Москвы, а до папы в три раза больше.

– Это сколько километров?

– Больше одной тысячи и ехать придется долго, долго. Я расскажу тебе, как мы ездили в деревню, хочешь?

– Расскажи.

– Сейчас по случаю праздника, мы поджарим с тобой картошечки с салом и пока я буду готовить, то и расскажу про деревню.

– Помнишь, как она называется?

– Не-а.

– Село Свищевка, мы зовем ее деревней, а это село. Там была церковь и она раньше работала, проходила служба, с других деревень приезжали. По праздникам было много народа, а сейчас в церкви устроили склад, но кладбище сохранилось и там покоятся мои две сестры, которые умерли еще до войны.

– А почему они умерли, мама?

– От голода сынок, тогда много народа умирало, но это было давно, теперь скоро, после победы, жизнь наладится. Ну слушай дальше.

В Москве мы садимся на поезд дальнего следования Москва – Елец, после обеда, а на станцию Лев Толстой приезжаем рано, рано утром. Еще прохладно, туман стелется, и твой дед, а мой папаня, усатый, седой, машет нам рукой. На привязи у жерди, закрепленной на двух столбах, привязана белая с темными пятнами небольшая лошаденка, ее зовут Волнушка, запряженная в телегу. На телеге папаня набросал сена, чтоб не так трясло по дороге. Встал дедушка еще затемно, чтоб к рассвету доехать до станции. Не Бог весть какая даль, но десять километров, это на поезде быстро, а на лошади по ухабам, больше часа езды. Как-то дедушка ехал со станции зимой и задремал, а лошадь дошла до риги и остановилась, а возница-то спит.

– А, что такое рига?

– Это такой сарай для сена в конце огорода. Так вот дедушка чуть совсем не замерз, хорошо увидели сельчане и привели лошадь и еле живого вытащили деда из саней.

Мой папаня уложит наши чемоданы в телегу, все усядемся на сено и поедем, где шажком, а где под горку, рысцой. Дом у дедушки из красного кирпича под железом. В сенях потолка нет и когда идет дождь, то приятно шуршит по железу, сон приманивает. Летом ты спал в сенях, ну а зимой, конечно, на печи. Помнишь, хоть что-нибудь?

– Не-а, помню, как корову в избу заводили, когда она родить собиралась, я с печки смотрел.

– Почти два года ты жил в деревне. Я как-то зимой приехала тебя навестить, повидать родителей, кой чего привезти, тебе подарок приготовила один красный помидор, а ты спрашиваешь, что это такое? Окошки в доме у дедушки маленькие, почти над самой землей, зимой промерзали наполовину. Ты сидел на лавку на колени и рисовал на стеклах, вместо деда Мороза, пока не замерзнут пальцы. Потом опять лез на печку, греться. Там и сейчас нет ни радио, ни электричества, но теперь скоро все будет.

– А как там у папы?

– Узнаем, когда приедем, наверно все есть.

– А когда поедем?

– Не очень скоро. Сначала я напишу папе письмо – получу ответ, а уж потом на поезд.

– Скорей хочу.

– Успеешь, теперь войны больше нет.

В конце первого года войны Николаю Тарасовичу Степанову, работавшему тогда на танковом заводе и считавшемся опытным рабочим, предложили на выбор. Или на фронт или с заводом в эвакуацию. Степанов выбрал второе. Оборудование погрузили в эшелон и вместе с другими рабочими Степанов эвакуировался в город Куйбышев – ныне Самара. Официально рабочий день был двенадцатичасовой, но работать приходилось всегда больше. Три месяца Степанов работал на казарменном положении. С рабочего места не уходили. Там же в цехах спали, получали паек и работали. Питание было скудное, по несколько месяцев кормили одной какой-нибудь кашей. То овсянкой, то горохом, то перловкой. Уже в Москве, через год Степанов рассказывал.

– Еду в автобусе, народу не протолкнешься, что-то попало под ногу, похоже круглое, нагнулся – картошка. Сунул в карман, не пропадать же добру.

Назначили Степанова бригадиром. Под его началом были мальчишки, не достававшие до станка и им подставляли ящики, и заключенные, которых приводили под конвоем.

– За последними надо было смотреть в оба. Чуть не доглядишь, мерзавцы, смотришь сопрут что-нибудь. К концу войны Степанова перевели в Жигули, в колхоз. Там он стал работать на электроподстанции монтером. Колхоз располагался внутри Самарской дуги Волги. Вот туда и собирались ехать Коля Степанов, восьмилетний мальчик, со своей мамой Ксенией Васильевной Степановой.

Сборы в дальнюю дорогу затянулись почти на три месяца. Надо было накопить денег на билеты, на дорогу. Мать пыталась купить билеты в предварительной кассе, но не получалось, то некогда, то не с кем оставить сына, то поезд отменили, очередь занимать надо с вечера и торчать всю ночь у кассы, то одно, то другое. Наконец, в начале августа чемоданы были собраны, отец ждет, надо ехать. Всего все равно не предусмотреть. Бывает выбрасывают билеты перед самым отходом поезда. За несколько часов до отхода их поезда, мать с сыном отправились на вокзал. Коля сидел на двух чемоданах сразу, а мать бегала в поисках билетов. Долго стояла в различных очередях, спрашивала, упрашивала, но все без толка. Билетов не было. Подошли на перрон к составу. Коля опять остался на чемоданах, а мать пошла по проводникам и проводницам. Вернулась и говорит.

– Нашла место, идем скорей.

– Билет купила?

– Нет, договорилась с проводницей. Возьмет нас в тамбур, а если освободится место, перейдем в общий вагон. Оставалось совсем немного времени до отхода, когда Коля с мамой забралась в вагон и устроились на чемоданах у закрытой двери тамбура. Они оказались там не одни. Когда поезд тронулся, в соседях оказались еще несколько человек. Им пришлось потесниться, но в тесноте, не в обиде.

– Сидим на чемоданах сын и едем. Это уже хорошо.

В тамбуре было душно и жарко. Мужики чадили махоркой и переругивались. Но лафа продолжалась недолго. Часа через два, на первой же остановке в вагон пришли контролеры. Протискиваясь через мешки, чемоданы и безбилетников долго и зло ругали проводницу.

– Прошу всех без билетов покинуть вагон, иначе поезд дальше не пойдет.

– Оставьте женщину с ребенком. – Просила проводница.

– Нельзя, всем на перрон.

– Оставьте чемоданы, свяжите их и оставьте, я посмотрю за ними. – Шепнула проводница матери. Она оказалась сердобольной, да и деньги взяла. Коля с матерью вышли из вагона с одной сумкой, с которой мать не расставалась. В ней были документы, кое-что из еды и немного денег. Основную сумму мама спрятала в специально сшитом для этого маленьком карманчике на нижнем белье. Ворья всякого сорта, налетчиков, карманников – тогда было через чур много и за вещичками нужен был глаз, да глаз. Контролеры перед самым отходом ушли из поезда и проводница сказала.

– Полезай мать на крышу, вот-вот тронемся. Не бойся, на крыше ты будешь не одна. Сын у тебя я смотрю, шустрый.

Как только дали отмашку трогаться, Коля первый полез на крышу. Мать от него не отставала. Да, на крыше они были не одиноки. Поезд медленно тащился по перрону, как будто специально, а со всех сторон, как тараканы из щелей на крышу полезли безбилетные пассажиры. Они бы и рады купить билеты, но их не было. Всем вместе и умирать веселее. Облепленные вагоны, обрастая по пути, ехали все быстрее. Когда станция осталась позади, гроздь безбилетников с поручней, ступенек, все перебрались на крышу.

– Чемоданы едут и мы едем. Хорошо, тепло пока. Надо на следующей станции взять из чемодана тебе свитр или кофточку.

– Свитр, а не кофточку, что я девчонка.

– Держись лучше за трубу, достану веревку, буду тебя привязывать на ночь. Ехать еще долго.

Пассажирские поезда ходили редко, медленно, пропуская вперед на каждом разъезде более важные грузы. Иногда часами стояли в тупике, ожидая прохода вагонов-телятников с военным добром. Хоть война и кончилась, но еще многомиллионная армия требовала много чего для своего существования. С бывших фронтов выводилась тяжелая техника, конфискованное немецкое добро, раненых, оставшихся в живых лошадей и много всего другого, что производила огромная страна – все для фронта, все для победы. Теперь назад, домой. Потянулись на восток и составы с живой силой – солдатами.

Двое суток, с большими и малыми остановками, тащился состав до Куйбышева. Особо страшно было по ночам проезжать мосты через Волгу и другие реки. Вагоны стучали на стыках рельсов, мелькали железные фермы мостов, свистел ветер сдувая с крыши. На ночь, да и днем мать привязывала Колю к трубе. Днем посвободней, а ночью коротко, обмотав веревкой и себя и сына. Достала из чемодана валенки, и, несмотря на протесты, натянула их на ноги сына. Они постоянно, во сне ночью сползали с него. Когда она сама спала, самому Богу было неведомо. На небольших станциях с крыши не слезали, хотя местные контролеры и пытались стянуть оттуда пассажиров. Последние отбивались, брыкались, ругались на чем свет стоит, с нетерпением дожидаясь, когда поезд тронется. Перед самым Куйбышевым, освободилось место и мать с сыном попали-таки в вагон. В нем было жарко, пахло человеческим потом и испражнениями и Коля постоянно воротил нос. Но бесконечное прыгание с вагона на вагон кончилось. Прижавшись к матери сын уснул и мать тоже.

– Подъезжаем, вставай болезная, кончилась ваша поездка.

На самом деле поездка не кончилась, еще предстояло добраться до Жигулей. С железнодорожного вокзала мать с сыном переехали в речной порт. На этот раз повезло, мать купила билеты в трюм, расположенный ниже ватерлинии. В четвертой категории, в трюме, было еще хуже, чем в вагоне. Битком набитый разномастным народом, кажется, насквозь пропах людским навозом, вшами и тараканами. Люди сидели и полулежали на деревянных двухэтажных полках-сиденьях, на мешках, чемоданах и корзинах. Невыносимый смрад, духота и жарыща. Коля расстегнул рубашку до пупа, закатал штаны до колен, но это мало помогало. Часа три или четыре тащился пароход, постоянно мелко подрагивая. Но всему на свете бывает конец. Вылезли из душного трюма у небольшого дебаркадера и вздохнули полной грудью. Ярко светило солнце, с реки дул небольшой ветерок, ласково унося с тела противно-пахнущую жидкость. Широченная река, полоска противоположного берега где-то далеко, далеко. Мать поспрашивала, как добраться до Жигулей. Ей подсказали.

– Идите вверх, там должен быть перевозчик, да поторопитесь, желающих будет много.

Пошли по берегу вверх по течению. Внизу у самой воды толпился народ с кошелками и мешками. Подошли и москвичи со своими чемоданами, но оказались последними. Седой перевозчик укладывал в лодку поклажу. Когда вещи были уложены, в лодку залезли их хозяйки. На берегу остались только мать и сын.

– Возьмите и нас собой, не ночевать же нам тут, я заплачу.

– Видишь и так перегруз, если потонем, твои деньги не пригодятся.

Тут вступила в разговор женщина с лодки.

– Возьми Ефремыч, что ей с мальцом делать, тут же живой души не найдешь до следующего парохода.

– Садись молодуха, а плавать умеете?

– Я умею. – Соврал Коля – я шустрый.

Наконец, все уселись, перевозчик столкнул лодку и сел на весла. Лодка деревянная, длинная, была сильно перегружена. Вода за бортом была совсем рядом. Коля чертил ладошкой по водной глади. Ярко светило солнце, Ефремыч мерно поднимал и опускал весла и капли сверкали срываясь опять в родную стихию. Нужно было пересечь Волгу и пройти с километр вверх по течению. Коля радовался хорошей погоде, свежему пропитанному чистотой ветерку, скрипу уключин на лодке и тому, что их взяли и скоро они будут у папы.

Лодка была уже на середине реки, когда впереди показался дым. Навстречу приближался большой пароход.

– Ефремыч, впереди пароход.

Перевозчик обернулся, увидел приближающийся пароход и энергичнее заработал веслами. Он греб обратно к берегу, с которого только что отплыли. Пароход шел по течению и быстро приближался. Когда он подровнялся с лодкой, Ефремыч развернул лодку высоким носом к набегавшей волне. Все ясно видели. На лодку идет вал воды, поднятой пароходом. Несколько женщин вскрикнули. Мать вцепилась сынку в руку и тоже оцепенела. Волна накатила на нос и прошла вдоль бортов. Лодка мягко качнулась назад и вперед. Через оба борта в лодку хлынула вода, но ее было не так уж и много.

– Вычерпывайте и не визжите, если бы накрыло как следует, все были бы уже в воде.

Минут через сорок пристали к противоположному берегу. Повеселевшие бабы с гомоном вылезали из лодки, таща за собой мешки и корзины. Перевозчик вынес чемоданы москвичей и принимая деньги перекрестился.

– В рубашке родились вы городские. Долго жить теперь будете. Видно издалече в наши края?

– К папе из Москвы. – Выпалил Коля.

– Ну бывайте здоровы, храни вас Бог.

Лодочник вернулся к лодке, а москвичка и маленький москвич полезли на пригорок.

– Далеко до Жигулей? – Спросила мать.

– Недалече. Километров пять, не боле.

Одна женщина, у которой вещей было немного задержалась.

– Не здешние вы, городские поди?

– Из Москвы, к папе приехали.

– А кто твой папа?

– Степанов Николай Тарасович.

– Знаю я твоего папу. – И обращаясь к матери продолжала.

– Хороший у тебя муж красавица, не зря он себя берег. Здесь все мужики эвакуированные из разных городов с запада, гуляли напропалую. Завели военных жен и детей наделали. У нас бабы бедовые, не одна завлекала твоего Николая, но он никому не поддался – правильный мужик одним словом.

Так разговаривая, дорога казалась короче. Женщина, тоже работающая в Жигулях рассказывала о жизни в поселке, а мать о Москве. Обе женщины тащили по чемодану, поочередно меняя руки, а Коля две сумки. Их связали веревкой, перекинули ему через плечо и он, не жалуясь, нес их, тоже перекладывая с плеча на плечо. Сели отдохнуть.

– Коля, как тебе нравится наша Волга?

– Очень большая, я такой еще не видел, видел Москву-реку, Оку и другие реки, но Волга – это здорово.

Когда пришли в поселок, местная женщина показала малому Степанову, где искать папу и ушла по своим делам. Мать и отец Коли встретились, обнялись, привлекли к себе сына, довольные и счастливые. Отец жил в общежитии, а когда приехали его близкие, то все Степановы сняли небольшую комнату.

Первого сентября Коля Степанов пошел в школу. На первый урок он очень боялся идти, но потом освоился. К маленькому москвичу учительница относилась с участием. Коля осмелел и на уроках пения даже солировал – пел песни. Все они были жалостливые и протяжные.

Вот один солдат диктует,

Здравствуй милая жена,

Моя рана не опасна,

Скоро дома буду я.

А другой солдат диктует,

Здравствуй милая жена,

Глубоко я в сердце ранен,

И домой не жди меня.

А еще про тюрьму и про черного ворона.

Поступив в школу, Коля не знал ни одной буквы, но учился прилежно и закончил свой первый год обучения с одними пятерками.

Жизнь была трудной. Степанов ходил в школу весь в заплатках, учебники и тетради носил в зеленой сумке от противогАЗа. Не хватало самого необходимого – теплой одежды, обуви. Питались Степановы тем, что приносил отец. Первokлассник Коля научился считать и успевал досчитать до пяти тысяч, пока отец принесет котелок гороха. Он числился эвакуированным и ему полагался паек, который по несколько месяцев состоял из одной и той же каши. Сначала давали три-четыре месяца одну, потом столько же другую. Как-то Коля услышал вечером:

Хороши на мельнице мешочки,

Еще лучше с белой мукой,

Стибришь пол-мешочка,

Испечешь блиночка,

Сразу жизнь становится иной.

Он с первого раза запоминал стихи песен. Ему тут же представилась целая тарелка, с горкой, горячих блинов и большая кружка холодного молока. Предел мечтаний.

Отец где-то достал большую катушку суровых ниток. Степановы решили сплести бредень. Волга рядом, в реке много рыбы, а это очень вкусная еда. Мать тоже пошла на работу, а по вечерам и в редкие выходные, взрослые плели сеть. Им помогал и Коля. Сначала он часто ошибался, но потом научился и отец доверял ему, но все же ворчал.

– Здесь не затянул, тут пропустил.

С той самой зимы Коля Степанов на всю жизнь запомнил, как плетутся сети. И сам плел и других учил.

Всю зиму Степановы плели бредень и как только сошла полая вода, отправились на рыбалку. Взяли с собой два мешка, засунули один в другой, туда же бредень и топорик. Мать завернула по куску хлеба.

Километрах в трех от поселка протекала небольшая речка Уса, впадающая в Волгу. Не глубокая, почти везде по колено и по пояс, с чистой водой и быстрым течением. Взрослые Степановы брели по реке, а когда попадались глубокие места и омуты, то и в плавь. Отец часто командовал.

– Стой, я обойду вот под тот куст, там должны стоять щуки.

И действительно, они чувствовали, когда в мошне начинала биться крупная рыба. Один раз отец хотел похвастаться, какую рыбку они с мамой поймали. Стоя в воде по пояс, поднял за жабры здоровенную щуку, чтоб показать сыну, идущему по берегу с сумкой, но щука изогнулась, ударила отца по лицу, вырвалась и была такова. Ему еще и от матери досталось. Рыбы в реке было очень много. Тихо стоя у воды, можно было видеть большие косяки плотвы, оку-

ней, язей, лещей и всякой другой рыбы. Там же у реки, на костре пекли рыбу и ели. Домой возвращались нагруженные двумя мешками, ловили столько, сколько могли донести. Отец шутил.

– Жить стало веселее.

А мать смеясь добавляла.

– Шея стала тоньше, но зато длиннее.

Рыбу ели сами, меняли на хлеб, молоко, муку. Но вырваться на рыбалку удавалось не часто.

В гостях хорошо, а дома лучше. Засобирались домой. Отец несколько раз ездил в Куйбышев. В Москву отправляли обратно на завод некоторое оборудование и удалось договориться вернуться с этим товарным составом.

Обратная дорога показалась много короче и спокойней. Ехали в вагоне-телятнике, заставленном какими-то ящиками. Пахло конским навозом и машинным маслом, но Степановы, с комфортом, устроились на соломе и чемоданах. В вагоне, прямо у двери на потолке зияла большая дыра, неправильной формы. Отец умудрился, с помощью веревки, забраться через дыру на крышу и затащил туда сына. Счастливая мать с улыбкой снизу наблюдала, как ее мужики, сидят на крыше, свесив ноги в дыру и болтают ими.

Поздний телефонный звонок

Николай Николаевич – сорокадевятилетний конструктор НИИ, последние несколько дней, пребывал в какой-то постоянной и не проходящей тревоге. Стал рассеянный и задумчивый. Проезжал лишние остановки на городском транспорте, не слышал, хотя и смотрел на собеседника, о чем тот говорил и даже один раз прошел мимо своего подъезда и всего дома. В чем причина он бы и сам объяснить не смог. Все чаще и чаще, с приближением пятидесятилетнего рубежа, он оглядывался на прожитую жизнь, анализировал поступки и повороты судьбы. По складу характера Николай Николаевич был живой, темпераментный, остро реагировал на превратности жизни, различные встречи и происшествия. С годами он становился спокойней и рассудительней, но своего темперамента одолеть не мог. Чрезвычайно сильно, неудержимо, отдавался во власть чувств, особенно в молодости, не сознавая что все пройдет и забудется. Но боль и радость никогда не проходили бесследно. Он годами помнил, в нем теплились порой туманные воспоминания и в минуты откровения с самим собой, его снова захлестывало былое как морская волна или беда. И вот в эти дождливые октябрьские дни они нахлынули на него, неудержимо и безжалостно.

В пятнадцать лет он был красивый и стройный мальчишка. Выделялся среди сверстников удивительной ловкостью. Уступая многим в росте и телосложении, он легко выигрывал спортивные единоборства. Всегда был первым, в крайнем случае вторым. На школьных соревнованиях по лыжам он был вторым, пропустив впереди себя только перворазрядника, который уже несколько лет занимался в лыжной секции. Сам имел первый спортивный разряд по гимнастике и здесь ему равных не было. Гимнастическая секция школы к каждому школьному вечеру выставляла группу гимнастов для концертного выступления. В этой группе всегда был Коля Степанов. Мальчишки с восторгом воспринимали детские гимнастические выступления, а девчонки неистово влюблялись в стройных, красивых гимнастов. Коле Степанову присылали записки, когда играли в почту, назначали тайные встречи, на которые он не являлся, а если и приходил, то разочаровывал застенчивостью, даже робостью. Молчал или говорил невпопад, смущался, краснел и старался поскорее избавиться от подруги. Ему никто не нравился. Он предъявлял уже тогда слишком высокие требования к себе и к девчонкам тоже.

Летом после, десятого класса, Коля перед отъездом в деревню к бабушке, часто катался на велосипеде. Излюбленным маршрутом всех велосипедистов была единственная асфальтированная дорога в округе. На этой дороге он впервые и увидел Таню. Тонкая, стройная, очень

смуглая, с темными, почти черными глазами, веселая и жизнерадостная. Таня овладела сердцем Степанова играючи. Как часто бывает, мы находим там где не ищем, добиваемся успеха, где не хотим, находим прелесть в отталкивающем. Коля увлекся серьезно и надолго. Он сам стал создавать образ, который хотел видеть, обожать. Начал писать стихи.

Катался я на велосипеде,
Она стояла на крыльце,
С своей подружкой длинноногой
И улыбалась тихо мне.

Как давно, как наивно, и как смешно это теперь. Его увлечение переросло в любовь, в безумную страсть. Он наделял Таню чертами и достоинствами, которых у нее не было, обожествлял ее и боготворил. Они встречались, ссорились. Вернее она ссорилась или просто он ей надоедал. Бессознательно, но она подтверждала нелепую жизненную несправедливость – кто любит, тот не любим. Зимой они ходили на каток, весной за первыми цветами. Но Таня видимо совсем потеряла интерес к Степанову.

В девятнадцать лет Степанова провозжали в армию. Он пригласил на прощальный вечер Таню и ее брата. Брат пришел, а она не пришла. Так и уехал Николай Степанов на три года с обидой и жалостью к себе, с огромной безответной любовью в сердце и все-таки с надеждой на ответное чувство. У него была даже не надежда, а уверенность, не может человек – она не может не полюбить меня, если я – он не произносил слова любви, это было ему мало, слишком неправильно. Она не любовь его, она жизнь, воздух, дыхание.

Два года из трех, сначала в неделю раз, потом один раз в месяц, Степанов писал ей письма и не получал ответов. В конце второго года службы он получил, наконец от нее письмо. Радости и счастья не было предела. Несколько дней он не вскрывал конверта, ни на минуту, не забывая о ней. В письме Татьяна писала, я неудачно вышла замуж, муж негодяй и мы разошлись. Николай в ответ написал длиннющее письмо. Каждая строчка дышала любовью

А как же те десятки писем, как могла она не отвечать. Спустя несколько дней закралась к нему обида. Но он писал честно и сам устыдился своих обид. На его страстное признание скоро пришло новое письмо и фотография. Он снова, теперь уже ответил, но сколько ни ждал ответного письма не было. Он опять написал – ответа нет. Николай стал ждать демобилизации. Через год Николай Степанов в солдатской форме, не заходя домой, направился к ней. Тани дома не было и Николай долго беседовал с ее мамой. Наконец пришла она. Молодая, красивая женщина со сложившейся фигурой, высокой грудью, с чистым загорелым лицом и лучистыми глазами. В ней есть что-то татарское.

– Очи как яхонты нежно и страстно глядят из под черных бровей – процитировал Николай. Она увидела его и по ее взгляду понял – он ей не нужен, она уже не одна. Таня заторопилась, явно и неумело выдумав причину. Они вышли вместе из дома и простились – она с нетерпением, он со стыдом, обидой и полным отчаянием. Жизнь потеряла для него всякий смысл. После того как она ушла, он долго стоял ни о чем не думая, уставившись в одну точку. Наконец он опомнился, очнулся, стал спокойно, даже слишком спокойно, просто безразлично, думать о себе, как о постороннем – надо ли жить, для чего, для кого, зачем. Я человек, я хотел жить как человек, как счастливый человек. Она отняла у меня все – нет не все. Она не дала мне счастья. Придется жить без него. Много людей живут без счастья. Я крошечная частица ничего не изменю, ни в какую сторону. Надо жить. У меня есть мать, отец, родные, друзья.

– Гражданин, конечная остановка, конец, автобус дальше не пойдет – раздался над его головой голос женщины. Николай Николаевич поднялся и вышел из автобуса. Где это я и почему так странно она сказала – конец. Он усмехнулся и огляделся по сторонам. Ну и занесло же меня. Сколько же лет прошло. Двадцать шесть и уже октябрь как тогда. Я живой здоровый, у меня семья, дети, жена, квартира, машина, работа, – а как же Татьяна. Я много и часто думал о ней, хотел увидеть, найти ее, но в суете дел не нашел и не увидел. Надо заняться

вплотную. Отложу все дела, их не переделаешь, найду ее, если еще жива. А почему же она не должна быть жива. Она на три месяца моложе меня, а женщины живут гораздо дольше мужчин в большинстве своем. Значит жива. Какая она, кто. Интересно. Я ничего особенного и не особенного не достиг. Обычный рядовой. А если бы она стала моей женой тогда в октябре. Что бы изменилось. Не знаю, хотя мне бы было легче, веселее. А может быть, и нет. С судьбой не спорят, не переделывают. Интересно, все-таки, что стало с Татьяной. Надо ее найти. После работы Николай Николаевич обратился в справочное бюро.

– Скажите, пожалуйста, можете мне найти адрес человека, если я знаю адрес человека, фамилию, имя и отчество, год, месяц, день и место рождения.

– Пять копеек давайте и диктуйте данные.

– И все за пять копеек?

– Да. Если она фамилию изменила, то адреса не даем.

– Хорошо рискну за пятак.

– Погуляйте полчаса.

Николай Николаевич походил минут пятнадцать.

– Конечно, она фамилию сменила на девяносто девять процентов. Не дадут адреса. Стоп, ее брат фамилию, конечно, не менял.

Николай Николаевич снова подошел к справочному бюро.

– Не готово еще.

– Пожалуйста, вот вам еще пятак. Запишите еще данные и продиктовал.

Через двадцать минут работница справочной поманила его. рукой.

– Пожалуйста возьмите.

Протянула ему два листка. Николай Николаевич с волнением развернул первый бланк – брат. Умер в 1983 году прочитал он, держа бланк далеко от глаз. Быстро же он убрался. На два года старше меня. Трясущимися руками, отставляя бланк подальше от лица, стал читать вторую бумагу. Улица, дом, квартира, все есть.

– Да я же на этой улице сотни раз бывал и проезжал. Николай Николаевич несколько раз с удовольствием и улыбкой перечитал написанное. Повторил про себя, пытаясь запомнить.

Несколько дней он носил бланк в кармане, в кошельке, предварительно записав адрес в записную книжку на букву Т.

– Как пойти по адресу – имею ли я на это право. Говорят, если проехать по болоту трактором, то для восстановления нормальной жизнедеятельности болота, потребуются годы. Вот и я зайду, брошу камень и могу нарушить равновесие. Бред. Нет, все-таки, надо найти телефон. Сейчас все стали с телефонами. Дома Николай Николаевич позвонил по 09 и попросил подсказать телефон, назвав адрес. Через минуту не более – он уже записывал адрес, торопясь и переспрашивая.

– Кому ты звонить собираешься – поинтересовалась жена.

– Бывшей сотруднице, просили узнать телефон. – Соврал Николай Николаевич. Ему стало стыдно, вдруг жена не поймет его.

– Телефон есть. Завтра услышу ее голос, а послезавтра увижу ее. – Думал он. Зачем я волнуюсь. Столько лет прошло, скорее всего, она меня и вспомнит-то с трудом.

На следующий день Николай Николаевич долго бродил по окраинам города, отыскивая одинокую телефонную будку. Набрал номер и крепко прижал трубку к уху.

– Алло вас слушают. – Здравствуйте, попросите, пожалуйста, Татьяну Сергеевну.

– Я у телефона.

– Здравствуйте, – заикаясь, еще раз сказал Николай Николаевич.

– С вами говорит ваш давний знакомый. Не пытайтесь угадать, кто вам звонит, вам и в голову не придет, что я могу позвонить.

– Так кто же вы?

– Мне не хотелось бы сейчас это говорить. Необходимо вас увидеть. Не надолго. Прошу вас, когда, где, во сколько вам удобно, я подъеду к вам в любое место города.

– Но я замужем.

– Прекрасно я очень рад, я тоже женат и двое детей. Я прошу вас встретиться со мной, ненадолго, на пять, десять минут. Вы можете не беспокоиться. Ничего плохого я вам не скажу и не сделаю.

– Нет не могу. У меня ухо болит – я только что приняла капли.

– Хорошо – не сейчас, завтра, послезавтра, через неделю, когда вам будет угодно, удобно.

– Нет, не могу. Кто вы?

– Я ваш давний знакомый, двадцать шесть лет назад мы виделись последний раз в октябре.

– Так давно?

– Да это было давно. Тот октябрь вошел в мою жизнь и я помнил о нем всегда, он же неудержимо заставил меня позвонить.

– Скажите кто вы?

– Уже с нетерпением, спрашивала она

– Я Степанов.

Наступила пауза. Молчал Николай Николаевич, молчала и Татьяна Сергеевна

– Меня звали Коля, теперь зовут Николай Николаевич.

– А ...Разочарованно и протяжно сказала Татьяна Сергеевна. – Зачем я тебе нужна. Я замужем

– Давно?

– Года два.

– Странно – непроизвольно подумал Николай Николаевич, – что, она не знает, когда она вышла замуж и который же раз. Скорее всего она живет не оформляя законного брака.

– Нет не могу, не надо, я замужем.

Она на нижней ступеньке развития после меня. Какая же она все-таки.

– Таня – тихо и спокойно сказал Николай Николаевич – Хочешь ты или не хочешь, я тебя увижу. Хочу увидеть, не могу иначе, и увижу. Для чего мне это нужно не знаю, но я тебя увижу и очень скоро.

– Зачем, я этого не хочу, слышишь, не хочу. Они долго молчали. Ему, почему-то показалось, что там у нее, на телефонную трубку упала слеза.

– Желаю тебе Таня всего самого хорошего. Будь счастлива, не болей.

Николай Николаевич сказал это все совершенно спокойно – почти формально и стал слушать. Было тихо. Минуты две, три, Николай Николаевич слушал шум деревьев близ телефонной будки, ребячий смех, где то рядом, смотрел на отблески солнца, на верхних этажах отдаленного дома, потом тихо повесил трубку. Всю следующую ночь Николай Николаевич не спал, он всегда плохо спал, если много курил на ночь, да еще этот поздний телефонный звонок.

– Что же, в самом деле, с ней, вернее с ним, с его образом-идеалом – думал и думал Николай Николаевич. От той октябрьской с яхонтовыми очами сколько осталось. На себя надо посмотреть, что от меня осталось. Двадцать шесть лет половина сознательной жизни. Хотя бывает, что с годами прелести юности тускнеют, стареют или вовсе пропадают, однако женщины приобретают новые качества, порой не хуже тех молодых. Николай Николаевич был всегда почему-то рад, если женщина в возрасте оставалась привлекательной. Но его образу уже под пятьдесят. Привлекательной в пятьдесят – бывает довольно часто. Есть в возрасте любом хорошее. Женщина может оставаться очаровательной в любом возрасте, если ее жизнь не испорчена пороком, она не больна. С Татьяной что-то неладно, кажется. Не знаю, надо к ней зайти. Может ей нужна помощь. Все станет ясно – достаточно увидеть ее и что вокруг нее.

Утром Николай Николаевич поехал на работу на машине, чтобы после работы не терять времени. Вечером он нашел ее дом, поднялся на этаж и постоял у двери несколько минут – убедился, что дома кто-то есть. Спустился, сел в машину и поехал на дачу к родителям. Выпросил у матери сумку и набрал ее полную яблок. Ему пришлось переложить с десятков ящиков и из каждого он брал два, три, яблока, придирчиво осматривая каждое со всех сторон. Сам срезал большую полу- распущенную розу и воткнул ее в сумку между яблок. На вопросительный взгляд матери ответил.

– Надо мам.

Дача была недалеко и только еще стало смеркаться, как он уже подъехал к ее дому. Остановился у подъезда. Взял сумку и пошел наверх. Поднявшись с тяжелой сумкой на пятый этаж, он остановился отдышаться немного.

– Какая у нее квартира – одно, двух, трехкомнатная. Чего гадать сейчас войду, если конечно, пустят.

Он позвонил.

– Кто там?

Николай Николаевич промолчал, да и что он мог на это ответить.

– Вам кого?

– Татьяна Сергеевна здесь живет?

– Здесь, зайдите.

Николай Николаевич вошел.

– Иди, к тебе кто-то пришел. – Бросил мужчина куда-то в пустоту и ушел на кухню. Николай Николаевич окинул взглядом квартиру. Однокомнатная, малогабаритная, все совмещено. Кругом набросано, вещи, обувь, миска с едой. Кошка или собака. Скорее кошка. Игрушек не видно нигде. Детей, видимо, нет, да какие же дети – внуки должны быть. Ремонта лет десять не было. В этом году уже не сделаешь – зима на носу. Вздохнув, он потянул носом и почувствовал букет противных запахов. Ему захотелось сразу же уйти. Из комнаты вышла Таня. Он узнал ее, вероятно, узнал бы и на улице, если бы столкнулся с ней лицом к лицу. Но перемены происшедшие с ней поразили его и она это заметила. Своих эмоций он скрыть не смог.

– Здравствуй.

– Здравствуй, зачем пришел.

Перед ним стояла маленькая женщина с бледно-серым лицом с морщинами. Всем известно, что женщина дома вечером совсем не такая, как утром на работе. Голова обвязана платком, правда, у нее болело ухо. Весь облик ее казался каким-то неряшливым и грязным. Непомерно большой живот где-то сбоку, жилистые, голые ноги в стоптанных и тоже грязных тапочках.

Да она почти старуха. Жизнь жестокая, одинокая, что ты сделала с Танькой белой.

И вот перед ним его Образ, который он носил в сердце двадцать шесть лет, кому поверял свои тайны, с кем говорил по ночам и видел во сне.

– Яблоки вам принес как обещал – еле выговорил Николай Николаевич. И она опять поняла его.

– Давай.

Она вытащила розу из протянутой сумки и небрежно бросила ее на заваленный бараклом, столик у зеркала. Потом стала вынимать яблоки.

– Не надо вынимать – опять едва слышно сказал Николай Николаевич – Берите с сумкой. Она взяла. Глядя прямо ему в глаза зло и презрительно.

– До свиданья и чтоб это было в последний раз.

– Хорошо – почти шепотом ответил Николай Николаевич.

– До свидания.

Не успел он еще сойти с грязной тряпки у двери, как за ним с треском, захлопнулась дверь, и дважды проскрежетал закрываемый замок. Николай Николаевич вздохнул, закурил и стал медленно спускаться вниз.

Командировка

Перед самым Новым годом Николаю не повезло – начальство послало его в командировку, которая была не совсем обычной. Нужно было объехать сразу три города. И в каждом из них ему надо было согласовать несколько документов – вроде бы просто, но предприятия порой, не охотно, согласовывали и тогда приходилось выкручиваться. Никакие доводы руководства не принимались во внимание. Тебя послали, и ты обязан привезти согласованные бумаги. В Москве и то было холодно, а в чужом городе лишней теплой одежды не найдешь, да и в гостиницах наверно холоднее чем дома в Москве. Ехать ему, конечно, не хотелось, но делать было нечего. Посылают, надо ехать. Оделся он довольно тепло и отправился на вокзал. Первый город, в который он прибыл – Горький. Этот город славится своим автозаводом. Автозавод это город в городе. Он занимает огромную площадь. По его территории курсируют рейсовые автобусы. Пройти из цеха в цех это всё равно, что пройти от Арбата до Таганки в Москве. Одно из самых крупных предприятий Советского союза. Вот в этот ящик к главному инженеру и направлялся Николай. Спокойно доехав на поезде до Горького, он довольно быстро нашел гостиницу и, оставив в номере объемистый портфель, налегке отправился на завод. В проходной завода он оформил пропуск сразу на пять дней. Он уже не в первый раз ездил в командировки и знал, что могут и не пустить на следующий день. Найдя заводоуправление и кабинет главного инженера, Николай еще раз прокрутил в голове как ему себя вести с главным. Он вошел в кабинет представился.

– Семен Игнатьевич – имя и отчество он прочитал не двери кабинета – прошу согласовать применение ваших изделий в наших разработках.

Главный инженер быстро пробежал глазами по бумагам и недовольно отбросил их на край стола.

– Зайдите завтра, мои специалисты посмотрят.

– Хорошо – сказал Николай и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Холодный прием не обещал ничего хорошего, но Николай не унывал. Возвращаясь в гостиницу он зашел в магазин и купил четвертинку водки, пару сырков, бутылку кефира, батон хлеба да у него в портфеле еще было, что поесть, прихваченное из дома. На следующий день Николай поднялся рано. Умылся, побрился электробритвой, вскипятил в стакане воду, заварил и позавтракал, доев остатки со вчерашнего ужина. У главного инженера он оказался раньше его самого. Когда главный появился, то проходя мимо Николая пробурчал.

– Вы опять здесь.

– Куда же я денусь – без вашего согласования я никуда не уеду.

– Не посмотрели еще ваши бумаги, приходите завтра.

– У меня пропуск на неделю, без документов я не уеду – ответил Николай, и весь следующий день болтался без дела.

– Надо начинать давить на главного.

На завтра Николай решил добиваться подписания документов во что бы то ни стало. Когда он в третий раз вошел в приемную главного инженера, секретарша сказала.

– Вас молодой человек пускать не велено. Николай положил на стол секретарши большую шоколадку, она быстро сунула ее в стол, уронила ручку и полезла под стол, а Николай прошел сразу в кабинет и заговорил.

– Семен Игнатьевич я не могу уехать без согласования, к тому же есть решение министерства и вам все равно придется подписать, рано или поздно. Главный оторвавшись от бумаг, нажал кнопку пульта. Вошла секретарша.

– Принеси Света пожалуйста воды, а то от этого заезжего московского гостя у меня разболелась голова. Приняв таблетку и запив ее водой, он взял документы Николая и подписал.

– Свободен.

Три дня на один город это много, но дело сделано, а это главное. Следующим городом, в который нужно было ехать Николаю, это Онеча. Небольшой районный городок в Чувашии. На перекладных, где автобусом, где на попутке, ко второй половине дня он добрался до Онечи. Скорее большая деревня, чем город. Если автозавод в Горьком, это город в городе, то Онеча, вся деревня в заводе. Чистокровный, градообразующий городишко. Да и городом он наверно стал называться только потому, что там построили радиозавод. Несколько пятиэтажных домов, собранные в кучку, да десяток сараев вокруг. Вот и весь радиозавод. Все население Онечи работало на этом заводе. Причем почти одни женщины. Мужчин почти совсем не было. Мальчишки перед армией да старики. А пополнялись трудовые ресурсы за счет командировочных – в этом Николай удостоверился в первый же день.

Гостиницу, деревянное двухэтажное здание, нашел сразу и устроился быстро. Она и была построена для командировочных. На втором этаже, в холле, четверо командировочных играли в карты. Николай подошел к ним и стал смотреть. Стало смеркаться. Картежники бросили игру и стали собираться. Один из них обратился к Николаю.

– Ты собирайся тоже, вся гостиница идет.

– Куда идет?

– Ты что первый день сегодня?

– Да, только что приехал.

– В пять часов кончается смена на заводе и прекрасный пол потечет рекой из проходной завода.

– И что их там надо нам ловить.

– Они сами тебя поймут.

– Интересно – когда пойдем?

– Прямо сейчас, соберемся и пойдем.

Где-то через полчаса, вся гостиница, одни мужики тронулись к заводской проходной. Шли, посмеивались, отпускали скабрзные шутки. У проходной завода командировочные выстроились по обе стороны тротуара и образовали две шеренги – лицом друг к другу. Ровно в пять часов из проходной стали выходить женщины. Шли не торопясь, приглядываясь к командировочным. Сначала одна потянула мужчину из ряда за пуговицу за собой. Потом другая, и шеренги командировочных стали редеть. Не дожидаясь конца процедуры Николай потихонечку покинул помост благо уже стало достаточно темно. Его никто не остановил и не окликнул. Вечером в полупустой гостинице Николай нашел себе партнера по шахматам. Перед игрой они с ним выпили и до одиннадцати сражались. Потом он пошел спать. Номер у него был двухместный и под утро его сосед совсем еще молодой парень появился совсем пьяный в какой-то чужой, не первой свежести, дубленке. Позже женщина, с которой он проводил ночь, уже вечером приходила за ней.

Утром Николай с соседом вскипятили чай, попили и отправились на завод. Радиозавод выпускал установочные изделия для радио и электроаппаратуры. В проходной у турникетов околачивались толкачи. Так называли командировочных, которые толкали поставщиков, выколачивали необходимые комплектующие. У Николая была другая задача, ему нужно было получить добро на применение их комплектующих в разработках института, в котором работал Николай. Ему требовалась только подпись на бумагах, лежащих в портфеле. Нужно прорваться в кабинет, но пропуска на территорию не оформляли. Тогда он попросил одного тол-

кача отвлечь вахтершу, потому что поводов для этого было предостаточно. Толкач устроил маленький скандалчик. И пока они ругались, Николай проскочил через турникет, благо он вращался в обе стороны. Вахтерша увидела, но было уже поздно, он уже успел выскочить из проходной во внутренний двор завода. Вахтерша преследовать не стала. Николай нашел заводоуправление, спросил, где находится кабинет главного инженера.

Кабинет был не такой как на автозаводе, поменьше и беднее, но секретарь сидела на своем месте. Он положил ей на стол шоколадку и прошел в кабинет. Главный инженер был не один. Николай быстро подошел к столу и положил бумаги на стол. Толи инженер был в хорошем настроении, то ли просто хороший человек, но подписал, почти не глядя. Николай очень обрадовался, поблагодарил и вышел из кабинета. В этот раз ему здорово повезло и он решил ехать в последний пункт всей поездки, в этот же день. Да разные бывают командировки – трудные и не очень, приятные и отвратительные. Когда он ездил в командировку в западную Украину, то сначала его приняли с большим уважением. Еще бы, ведь он был членом межведомственной комиссии по присвоению тамошней продукции знака качества. Завод в Черновцах выставлял на знак качества зонтик-автомат. Встретили в проходной, оформили пропуск, повели в столовую. Накормили на убой и наобещали сто верст до небес и все лесом. В комиссии было пять человек. Всем обещали по зонтику, потом поездку в Карпаты, коньяк и шашлыки. Все члены комиссии подписались, подтвердили, что зонтик лучше японского, хотя это было и не так. Оформили командировочные предписания, отметили убытие аж на два дня позже. На следующий день комиссию просто не пустили на завод. А что можно было сделать. Ничего. Разъехались по своим городам.

В другой поездке, тоже по вопросу присвоения знака качества, в городе Миасс на южном Урале, принимали очень приветливо. К девяти часам приходили на предприятие в десять уходили. Чтоб члены комиссии не попались, главный инженер сам выносил за проходную бутылку спирта. Проводил всю комиссию на свою дачу, на берегу озера, дал удочки. Потом три дня вообще не появлялись на предприятии. Гуляли по сопкам, ходили на озеро Тургаяк, собирали красивые камни хозяйки Медной горы, а их изделие действительно было достойно знака.

В Онече, оказывается, был аэродром, но только для малой авиации. Николай решил в Йошкар-Олу лететь. Он купил билет на следующий день. К вечеру сильно похолодало. Пока добрался до гостиницы, совсем замерз. Маленький одномоторный самолет – воздушный автобус, регулярно летал от городка к городку, делая посадки в некоторых населенных пунктах. Самолет вмещал двенадцать пассажиров. Иногда легчик брал четырнадцать человек, но никогда не брал тринадцать. На одной из остановок к самолету поспешил дородный, полный мужчина, видимо он был с деньгами, потому что предлагал заплатить за тринадцатого и четырнадцатого пассажира, но легчик был, не умолим. Так и улетел, не посадив толстяка. Николай осмотрелся, в салоне было довольно грязно, на стенах висели какие то вещи, провода, ведро, которое при взлете соскочило с крючка и загромыхало по полу, но легчик даже не обратил на это внимание. Напротив Николая сидели четверо мужчин и две женщины. Он на своей скамейке сидел с края и пятерых слева не мог рассмотреть – было неудобно откровенно рассматривать.. Было очень холодно. Легчик еще молодой человек в ватных брюках и унтах, в довольно длинной меховой куртке и ушанке, с опущенными ушами, как будто не замечал холода. А вот напротив пожилой пассажир видимо сильно мерз. Втянув голову в плечи и съжившись, он трясся едва заметной дрожью.

– И почему он не опустит уши ушанки – думал Николай, глядя на пунцовые мочки и виски пассажира. Потихонечку шаря рукой под лавкой и по стене, Николай наткнулся на что-то теплое. Он пошарил внимательней, труба, теплая труба. Повернувшись к пассажирам по давке спиной, Николай снял ботинки и засунул обе ноги между бортом и теплой трубой. Теперь жить можно – ноги морозить нельзя, еще пригодятся. Пожилой начал постукивать нога

об ногу, и когда тот положил одну ногу на другую, Николай увидел, что у мужчины голые ноги без подштанников. Николая невольно передернуло, и он подумал:

– Не уступить ли ему место у трубы. Согревшись, он задремал. Начал вспоминать, про своих, про жену, про детей. Когда же у него с женой начался разлад. Все как-то постепенно, незаметно откладывалось и накапливалось. И вот теперь его, порой нечаянный, нехороший поступок, раздражал жену, она вспоминала все прежние обиды и мирная жизнь кончалась, а возвращение к мирным отношениям проходило трудно, болезненно. Николай мучился, его огорчало и обижало нежелание жены спать вместе, ее какой-то страх. Когда он разбирал постель на двоих, она искала повода не ложиться, провоцировала его на ссору. Ссылалась на головную боль, на все возможные и невозможные доводы. Он чувствовал ее нежелание и уходил спать в другую комнату. – В конце концов, он мужчина и ему нужна женщина – говорил он себе, но с женой молчал. Он не хотел близости без взаимности, как выполнения супружеской обязанности. Если такая близость и случалась – она не приносила удовлетворения, и даже наоборот, он долго не мог уснуть, ворочался, обвинял жену, себя и весь мир. Утром просыпался все с тем же настроением. А встречать утро в плохом настроении он очень не любил. Позже, отвлекаясь за дневными заботами, за работой, Николай отходил от мрачных мыслей, но наступал вечер, и все повторялось сначала. Он искал выход и не находил. Уехать что ли, куда-нибудь, на месячишко или два, может быть разлука затушет обиды, заставит соскучиться, вернет к былым чувствам – не знаю, не верю. Николай несколько раз уезжал из дома на две, три недели и после возвращения они жили с женой несколько дней в дружбе и даже любви, но очень скоро все вставало на свои места. И вот он снова отбыл из дома на восемь, десять дней. Что это даст? Самолет приземлился на летном поле вблизи Йошкар-Олы. Здесь Николаю предстояла последняя операция согласования. Он вышел из самолета одним из последних.

Резкий порывистый ветер хлестал по лицу колючим сухим снегом. Мела поземка. Снег туманом перекачивался при порывах ветра через ребристый наст с каким-то холодным завыванием. Было просто жутко. – Градусов тридцать ниже нуля – решил Николай. Впереди него семенял седоватый. Он наверно отморозил себе ноги. Николая тоже стало трясти от холода. Он поднял воротник пальто, втянул голову в плечи, нахлобучил пониже шапку и торопливо пошел, почти побежал, к видневшейся впереди сторожке. В сторожку втиснулись все пассажиры разом с клубами морозного воздуха, запыленные снегом с красными руками и лицами. Отдышавшись и обогревшись в сторожке, Николай укутался плотнее в пальто, засунул руки глубже в карманы, стараясь подольше сохранить тепло, и вышел на улицу. Ровной размашистой походкой он направился в сторону города. До города было два три километра и по такому морозу, который подгонял, щипал за щеки, Николай быстро добрался до города. Он решил сразу же отправиться по делам, не теряя времени на еду и устройство на ночлег. Была вторая половина дня, время не очень удачное для деловых встреч, но выбирать не приходилось – чем скорее я справлюсь с работой, тем лучше. Ему опять повезло – заместитель главного инженера оказался на месте, да и в кабинете он находился один. В течение получаса они беседовали – подошли специалисты из отдела разработок, которые и завизировали привезенные Николаем документы. Потом их окончательно утвердил заместитель главного инженера. Хотя у Николая и были убедительные аргументы, ему все-таки в этот раз положительно везло.

– В приемной вам подскажут, как добраться до нашей гостиницы – дружелюбно сказал зам. главного. В приемной, на радостях, Николай подарил молоденькой секретарше шоколадку и она подробно рассказала, как добраться до гостиницы. Одновременно он оформил у нее свое командировочное предписание. Секретарша, видимо и раньше имевшая дело с командировочными или шоколадка сыграла свою роль, но командировочная была оформлена на два дня позже, чем положено. Секретарша улыбнулась, а Николай ликовал в душе. Пару дней можно будет посидеть дома, правда придется съездить на вокзал и купить у приезжающего из Йош-

кар-Олы билет. Николай быстро нашел гостиницу, старую бревенчатую двухэтажную избу. Снял номер на одну ночь, оплатил, получил белье, бросил его на указанную кровать и заторопился за билетом в обратный путь – домой. На свободе хорошо, но дома лучше.

Он решил сразу, потерплю, куплю билет в Москву, а потом пообедаю и поужинаю одновременно. На железнодорожном вокзале на Москву было два поезда. Один утром, второй вечером. Отстояв очередь в кассу, Николай купил билет на утренний. Только справившись со всеми делами, которые он никак не хотел откладывать, Николай почувствовал ужасный голод. Ел-то он утром, да и то кое-как. Да и от холода его уже давно начало трясти, как в лихорадке. Зубы стучали как пишущая машинка и он постоянно стискивал их, чтоб не дребезжать.

– Не заболеть бы чего доброго – подумал он. Николай не ел уже целый день, а уже начало смеркаться. Он зашел в продовольственный магазинчик. После Москвы ассортимент продовольствия оставлял желать лучшего, но на без рыба и рак рыба. Ну черт с ним и с этим магазином и со всем остальным. Надо выпить что-нибудь покрепче, лучше всего спирта неразбавленного, от которого сразу по всем жилам потечет расплавленное тепло и поесть как следует мяса и много, много хлеба. Он еще раз чертыхнулся. Я заслужил сегодня – позавтракаю, пообедаю и поужинаю одновременно. Он вернулся в гостиницу, приятно ощущая в портфеле тяжесть уже початой бутылки водки – он сделал приличный глоток прямо в магазине, чтоб как-то унять дрожь во всем теле, куска деревенского сала и целой буханки мягкого серого хлеба. Николай любил хлеб из глубинки. Он был, как правило, душистым, свежим и пах как-то особенно. Запах напоминал что-то далекое, деревенское. Хотя сам родился в Москве, но школьником лето проводил в деревне у бабушки, где много возился с лошадьми. С того времени запомнил и полюбил неповторимый, деревенский аромат. Плохо молотое зерно, отдавало запахом печи, золы и еще чем-то непонятным, но дорогим и близким. Чудился запах свежескошенного сена, конского навоза и пота лошадей. Войдя в свой номер, Николай увидел на второй койке, стоящей на другой стороне комнаты, лежит одетый, такой же, как и он, командировочный. Прикрыв ноги одеялом, в пальто и шапке – это было забавно, сосед повернулся к Николаю.

– Выпить есть чего – спросил он.

– Есть – ответил Николай.

– Зовут меня Виктор, приехал из Ленинграда, третий день торчу в этой дыре, замерз как собака, спился как дьявол и ни одной девочки. – Разом все высказал сосед и стал подниматься.

– Меня зовут Николай.

Виктор поднялся с кровати, а Николай стал раздеваться. Снял пальто и хотел снять пиджак, он терпеть не мог пиджаков, они стесняли ему движения и упаковывали все тело как в панцирь, но Виктор сказал.

– Не раздевайся, здесь холод собачий. Я достал электрическую плитку-грелку, но она много жрет, свет горит еле-еле, а толку от нее мало. Он глубоко вздохнул, выпустил изо рта целый клубок пара и сказал.

– Чуешь, только водка и спасает, а то к утру превратишься в одетую и обутую ледышку. Давай баб найдем – ты как развлечься не желаешь?

– Там видно будет – уклончиво ответил Николай.

– Садись, выпьем, я еще сегодня ничего не ел. Виктор смахнул со стола прямо на пол остатки прошлого одиночного пьянства – крошки, огрызки селедки, бумажки. Помыл стаканы и достал из тумбочки кусок копченой колбасы. Николай вытащил свои продукты и початую бутылку. Сначала на вокзале, потом уже по дороге в гостиницу, он начал так дрожать, что не выдержал опять. Негнущимися, чужими пальцами он открыл бутылку и пару раз хлебнул из горла, чтоб хоть немного унять снова появившуюся дрожь. Оставшись в пиджаках и в шапках, Николай и Виктор присели к столу. Все в номере, как и во всей Йошкар-Оле, было холодным и вода и стаканы и сало и колбаса. За окном, наполовину засыпанным снегом, уже давно стемнело. Временами ветер бросал в стекла пригоршни снега и слышалось его завывание.

Разлив в один прием всю бутылку в стаканы, они чокнулись и выпили. Николай свой стакан не допил, а оставил на потом, когда будет убит первый приступ голода и можно будет добавить, чтоб снова вызвать прежний звериный аппетит, и есть, есть, есть. Заглатывая большие куски, с каждой минутой чувствуя наполнение организма силой и жизнью. Минут десять Николай уминал колбасу и сало с хлебом. Виктор едва закусил и ждал когда насытится Николай, сам он взбодрился от водки, готовый на подвиги.

– Послушай Николай, давай соберем компанию и кутнем назло холоду и этой дрянной дыре с грязной гостиницей. Найдем девочек, выпьем и так далее.

– Давай – согласился Николай. Захмелев, он стал стговорчив и добродушен.

– Здесь раньше жила, – продолжал Виктор, хорошенькая блуд- Фаина – я здесь был в прошлом году пару дней – давай найдем ее и пригласим. Идет?

– Давай – опять односложно и доверчиво ответил Николай. Они вышли из номера. В коридоре мрачном и холодном, уборщица мыла пол. Она размазывала по давно крашеным доскам, грязной тряпкой на палке, изредка опуская ее в ведро с черной водой

– Скажите пожалуйста – обратился к ней Виктор, – Фаина когда работает?

Уборщица выпрямилась, лукаво и нахально одновременно оглядела мужчин и захохотала:

– Месяца два назад ее выгнали за проституцию и разврат, но вы не отчаивайтесь, она работает теперь в жилищной конторе – недалеко отсюда. Из гостиницы повернете налево, пройдете один квартал, потом еще раз налево и еще один квартал и справа увидите двухэтажный кирпичный дом. Топайте – она всегда ждет вашего брата. – Она опять захохотала и снова стала мазать тряпкой по полу.

– Ну что пойдём – спросил Виктор.

– Конечно пойдём, не найдем так развлечемся и водки купим. Одевшись, они вышли на улицу. Было уже совсем темно, хотя еще не было пяти часов. Им показалось, что на улице потеплело, ветер утих и снег медленно падал. Под редкими, одинокими фонарями снег блестел и искрился. Улицы были пустынные.

– Все жители этой дыры повымерли что ли – заметил Виктор. Они медленно шли скрипя. снегом и глазели по сторонам. Прошли квартал, повернули, прошли еще и увидели справа кирпичный дом, старый и облезлый, как и все дома в городе. Вошли в подъезд.

– Начнем обследовать эту фирму справа налево. Николай смело открыл ближайшую дверь и отпрянул, как будто его облили водой. Он быстро захлопнул дверь и вернулся к Виктору.

– Да там сидит человек сорок и все женщины, как узнать которая из них Фаина? Посоветовавшись несколько минут, они решили, подождем немного, кто-нибудь выйдет и мы попросим позвать Фаину. Ждать пришлось недолго. Вышла женщина и Виктор и Николай загородили ей дорогу.

– Позовите, пожалуйста, нам Фаину – сказал Виктор. Женщина прыснула и юркнула за дверь. Что она там сказала своим товаркам Виктор и Николай не слышали, но до них отчетливо донесся дружный хохот трех десятков женщин, соскучившимся по новостям. Через несколько минут открылась дверь и из нее вышла, буквально выплыла, почти рыжая блондинка. Николай стал ее разглядывать, а Виктор, кажется, растерялся. Ростом с Николая, крупное открытое лицо, теплые влекущие глаза и яркие полные губы. Все в ней было полным. Лицо, бедра и плечи. Высокая, будто набитая грудь под водолазкой, выглядела очень эффектно. Накрашенные губы и наруганные, пожалуй, чересчур, щеки молодили ее. В ней было много всего, но в то же время ничего лишнего. Из нее получилась бы, наверное, хорошая для выезда жена или хозяйка для гостей, но конечно, для этого нужно было бы еще много чего. И все-таки, что-то дешевое или вульгарное в ней проступало.

– Я с ней спать не буду – подумал Николай – пусть ее ласкает Виктор. Последний, был далек от подобных рассуждений, и было видно, что облик Фаины ему понравился.

Двое мужчин и женщина стояли друг против друга и молчали. Она стояла спокойно, нисколько не заботясь о своей репутации. В дверь прошла женщина, улыбнувшись Фаине. Она нарочно, широко и медленно раскрыла и закрыла дверь, но изнутри комнаты все равно ничего не было видно.

– Вам привет из Ленинграда от Леонида – нарушил молчание Николай, хотя никакого Леонида он не знал и вряд ли тот сюда приезжал. Фаина улыбнулась

– Спасибо, ему тоже пламенный привет передайте.

– Обязательно, Фая – вступил в разговор Виктор – Давайте проведем вечер вместе – и добавил.

– И возьмите с собой подружку.

– Вот это уже ни к чему – почему-то сразу опешил Николай. В его планы не входило занимать постороннюю женщину.

Впрочем, Виктор прав, зачем я соглашался сразу после выпивки. Виктор наверняка уведет Фаину или уйдет к ней, а чего доброго останется с ней в номере, а я куда же. Нет, так дело не пойдет. Надо выкручиваться, но каков Виктор, молодец, меня даже не спросил. Я не хочу. Но, что же делать? Николай хотел что-нибудь возразить на счет подружки, замешкался, и уже было поздно. Ладно выкручусь как-нибудь потом. – Понадеялся Николай на авось.

– Приходите к нам в восьмой номер часов в восемь – продолжал Виктор, знаете? – Знаю – снова улыбнулась Фаина. – Придем

– Пока до свиданья – сказали почти одновременно Виктор и Николай.

Фаина вернулась в комнату, а мужчины вышли на улицу.

– Послушай Виктор – начал Николай – ты втянул меня в историю. Ну, посидеть выпить – это еще куда не шло, но что я буду делать с подружкой.

– Вот выпьешь и найдешь, что делать —беспечно с улыбкой отвечал Виктор. – Appetit приходит во время еды, а не придет не беда – перебеёшься.

Они зашли в магазин – сбросились. Купили две бутылки водки и закуску. Говорят, вино это для женщин, – ерунда, все женщины, с которыми приходилось сталкиваться Николаю, пили только водку. На юге, например, где много вина и оно дешевое, там его пьют все и мужчины и женщины, а у нас, в средней полосе и дальше на север, пьют только водку. Традиции, беднота и климат. В Сибири, например, в сорокаградусный мороз кто станет пить вино. Вот и решили мужчины купить только водку.

Сумки у них не было и они распихали все по карманам. Медленно бредя, от нечего делать, они забрели еще в один магазинчик, так ради спортивного интереса и тут опять столкнулись с Фаиной. Остановились. Рядом с Фаиной оказалась еще одна женщина. Она была помоложе Фаины, стройнее, и сразу было видно что ей как-то не по себе. Увидев мужчин, смутилась. Весь ее облик, в стареньком пальто и в сапожках, как бы говорил, мне все равно, затея пустая, не нужная, не чистая. Вот Фаина, ничего ее не гнет, ни коробит, ни колышет, живет легко и беззаботно. Ей уже давно за тридцать, перспектив никаких, а не унывает. Гуляет напропалую.

Фаина представила свою подружку. – Ее зовут Лиза – Виктор, Николай – поочередно ответили мужчины. Ей стало совсем неловко. Николаю показалось – сейчас она уйдет. Ему было жаль ее, он сделал ей шаг навстречу.

– Пойдемте к нам, посидим, споем, выпьем черт возьми и вы сможете уйти в любое, время когда вам захочется..

– Хорошо я пойду – с вызовом, скорее себе, чем мужчинам – ответила бедная Лиза.

– А чего мы будем ждать восьми часов, пойдемте сейчас, вы свободны? – спросил Виктор

– Пойдемте, а то Николай ел сегодня один раз и у меня скворчит в животе и выпить хочется.

Вчетвером они прошли в гостиницу. В коридоре никого не было. Ну и хорошо — решил Николай. Лиза не будет нервничать. Фаине было наплевать, а Лиза явно беспокоилась. Виктор последним вошел в номер и закрыл дверь на ключ. – Нас нет, не было и не будет.

– До завтра —добавила Фаина.

Всем стало свободней и веселее.

– Раздевайтесь, вы дома – весело предложил Виктор. Мужчины опорожнили свои карманы, женщины сумку и принялись стряпать. Включили плитку, подогрели галеты, ополоснули стаканы, тарелки, которых оказалось только две, и все уселись за стол. Виктор откупорил первую из бутылок, появившихся на столе, и разлил по четырем стаканам. Пожелали всем присутствующим здоровья, звякнули и выпили. Всем хотелось выпить поскорее. Хотелось снять, все еще присутствующую скованность, и просто расслабиться. Закусили. После второй бутылки все заметно захмелели. Раскрасневшаяся Фаина много смеялась, рассказывала непристойные анекдоты и сама хохотала над ними больше всех. Лиза улыбалась и краснела одновременно, после очередной скабрёзности Фаины. Виктора тоже повело – он не отставал от Фаины в анекдотах и шутках. Он начал пощипывать бока у Фаины. Та предложила потанцевать. Музыка не было, но это никому не мешало. Поднялись и Николай с Лизой. Она сразу доверчиво положила ему обе руки на плечи, прижалась, и они стали топтаться на месте. – Я не боюсь тебя Николай, только будь ласковей, не груби не обижай – шептала она ему.

Николай легко коснулся губами ее шеи, обещая выполнить, все, что она просит. Виктор тоже нашел общий язык с Фаиной.

– Николай, Лиза – мы пойдем, погуляем —сказал Виктор – и вернемся не скоро —добавила Фаина. Вы остаетесь одни.

Николай и Лиза промолчали, но были рады, что они уходят. Все снова уселись за стол, допили остатки последней бутылки. Николай и Лиза, не стовариваясь, только пригубили свои стаканы. Виктор и Фаина ушли.

– Николай закрой, пожалуйста, дверь и погаси свет – попросила Лиза. Он посмотрел на нее, но она отвернулась. Погасив свет, Николай присел у стола.

Лиза разделась и легла в постель. —догадался он по шуму. Миллионы мужчин и женщин – мужей и жен, изменяют друг другу, и принято считать, что это плохо. А разве соблюдать супружеский долг без любви не пошлость, не гадость. Ложиться в постель, обнимать человека, который тебе давно не нравится —разве это хорошо, честно, а ведь так происходит в большинстве семей, проживших вместе лет пятнадцать, двадцать. Николай как то услышал фразу и она ему запомнилась – зарегистрировав брак, мужчина и женщина дают обязательство, выполнять супружеские обязанности. Нелепо. Выполнять обязанность любить. Над любовью никто и ничто не властно и она, как правило, кратковременна. Она подобна сверканию молнии по сравнению с продолжительностью жизни.

Она свободна и, заключить ее в рамки подписной бумаги с печатью невозможно. Ну это уже дебри, и здесь нет речи о любви. Это другое. Николай вспомнил про жену, но не испытал при этом ни угрызений совести, ни обиды, ничего. Рядом, здесь в постели лежит, желаемая женщина, открыто зовущая к себе, и он отдаст себя ей всего без остатка. Все, на что способна его душа и тело. Пусть ей и мне будет хорошо. Без колебания и стыда, став сильным, Николай разделся совсем и забрался под одеяло. Она была в тонкой рубашке и прижавшись к ней всем телом, почувствовал ее теплоту и все его тело, каждая клеточка, ощущала радость жизни, силу мужчины, непоколебимую веру во все самое невозможное, Она не противилась и потянула его на себя. Слившись воедино, они задохнулись от чувств.

Потом они лежали близко, рядом. Лиза, уткнувшись к нему в плечо, тихонько и нежно целовала его руки, грудь, шею.

– Коля, поживешь в нашем городе несколько дней – спросила она.

Николай промолчал и подтянув ее голову к себе закрыл своими губами ее рот и долго не оставлял их, прижимая ее все крепче и крепче. Снова молча и долго, они лежали, с теплотой думая, друг о друге и оба глупо улыбались.

– Я не могу Лиза остаться, как бы продолжая начатый разговор – сказал Николай. Она, уткнувшись носом ему в шею, тихо заплакала.

– Ты хороший, ласковый и сильный мужчина. Коля, неужели не сможешь остаться ненадолго, мне так хорошо с тобой. У меня два года не было мужчины. Мой муж погиб два года назад, а других здесь нет, таких как ты нет.

Она тихо говорила и говорила, а сама понимала все.

– Я женат Лиза, у меня дети – отвечал Николай – И эта наша встреча одна и последняя.

Уже под утро Николай и Лиза, обнявшись, шли по темным улицам. Тихо падал снег, на дома, на землю, на них. Они остановились уже в подъезде ее дома. Было темно и пахло сыростью. Они обнялись и Лиза снова, повиснув на его шее, заплакала. Прижав Николая к себе, она обвила его всем своим телом и втиснулась, не оставив между ним и собой ничего. Они долго ласкали друг друга, неистово, страстно и бесстыдно, позабыв все на свете. Наконец опомнившись, Николай оттолкнул ее от себя, сам поправил ее одежду, поцеловал в лоб и сказал.

– Лиза, я по всей вероятности, никогда больше здесь не буду, никогда не увижу тебя. Прощай.

Она снова, в который раз заплакала, потом впилась до боли в губы Николая, резко отстранилась и не сказав ни слова ушла в темный коридор. Николай вышел на улицу. Непроизвольно и беззвучно у него появилась слеза, сначала одна, потом другая. Мы наверное могли бы быть счастливы, какое-то время. Может год, а может два. Он шел низко опустив голову, с бессильной и жалкой злобой на себя, на жену, на Лизу, на начальника, на всех и вся. Он шел все быстрее и быстрее, потом побежал. Надо было спешить на вокзал

Престижная профессия

Инженер проснулся от того, что его за плечо трясла жена.

– Вставай, на субботник пойдешь. — У нас никакого субботника не объявляли. – Вставай, тебе говорят. Надо идти на субботник в детский сад. Я договорилась через Татьяну. Вон под окном строится детский сад, второй этаж заканчивают, и ты будешь там работать дворником, если конечно, возьмут. Сегодня все будущие сотрудники выходят, работать на субботник. Пойдешь с Татьяной и там поговоришь с заведующей. Она знакомая Татьяны и Татьяна уже замолвила за нас словечко. До инженера, наконец-то, стал доходить смысл слов. Они давно мечтали получить какую-нибудь дополнительную работу, а тут такой случай. В детском саду обычно чисто, хотя и достаточно высокие требования к чистоте на территории. Инженеру никак не хотелось вставать, было еще рано, да и за последние месяцы он очень уставал и что самое, главное никак не мог отключиться от работы. Думал он и в транспорте, возвращаясь с работы и за ужином, если не отвлекали домочадцы разговором и даже перед сном. Частенько, проснувшись чуть раньше звонка будильника, лежал с открытыми глазами и начинал в уме продумывать бесконечные, нерешенные на работе задачи.

– Скажешь заведующей, что мы озеленим территорию, отремонтируем все недоделки, будем убираться всей семьей по утрам, вечером и в выходные дни. Что ты инженер, если не спросят, не говори, в этом чести нет, а скорее отрицательное качество.

– А сколько будут платить?

– Вот об этом сразу бы и спрашивал.

– Втрое больше, чем ты сейчас зарабатываешь.

– Как это?

– Очень просто. Вот сколько ты зарабатываешь инженером?

– Ну если грязные, то двести двадцать, а со всеми премиальными, то и двести сорок может получиться.

– Очень много по сегодняшним ценам – явно с издевкой констатировала жена. – Дворником ты будешь получать сто рублей, но... работать будешь по часу вечером и по два в выходной, и еще не будешь выкрикивать по ночам, двойная герметизация, предохранительный клапан и прочую чушь. Понял. Пересчитай заработок, свой и дворника, за час, за день или за месяц. Дворник проработает восемь десять часов и сможет купить себе простенькие полуботинки за пятьдесят рублей. Инженер задумался.

– Послушай, дай пожалуйста счетную линейку, она в моем шкафу.

– Обойдешься без линейки, я и так знаю. У дворника втрое больше. Да вставай же ты, наконец. Татьяна позвонит, с минуты на минуту и надо будет сразу идти. Инженер нехотя стал одеваться.

– Побрейся, как следует, галстук смотри не надевай – этого не любят, на работу идешь, а не штаны протирать.

Инженер умылся, побрился и тут раздался звонок. Звонила Татьяна. Жена взяла трубку.

– Все, все, сейчас идет, выходи.

– Иди – обращаюсь уже к мужу, сказала она. Заведующая ждать не будет.

Жена встала на дежурство у окна, чтоб сразу увидеть Татьяну, а инженер, наскоро, обжигаясь, выпил пол стакана, чая запихнул в рот бутерброд и стал одеваться.

С Татьяной он встретился на улице. Татьяна, подруга жены, жила в доме напротив. Она не имела постоянной работы, однако не унывала и не бедствовала. То вязала на дому шапочки, то шила плащи и сумки. Одно время работала в ЖЕКе, не то техником смотрителем, не то наладчиком по лифтам и кажется, немного спекулировала.

– Здравствуй Таня.

– Здравствуй. Ну, что трудиться пойдем. – Пойдем.

– А ты, что туда устроилась или нет?

– А как же. Я там первая помощница заведующей, а вообще то, я оформлена прачкой. Но когда меня спрашивают, я отвечаю, что я заместитель заведующей. Не говорить же мне, что я прачка. Заведующую, Людмилу Викторовну, я знаю давно, она моя подруга и она мне сразу предложила место прачки. Место не пыльное. Хочу сама стираю белье в машине, хочу в прачечную буду сдавать. Главное, чтоб у детей белье было чистое, правильно?

– Конечно, правильно.

– Сейчас заведующая сидит в прорабской – вон в том вагончике. Ты постой пока за дверь, а я с ней сама поговорю еще раз.

– Хорошо, постою.

Татьяна ушла в вагончик. На улице было холодно, мела поземка и инженер, скрываясь от ветра, зашел в вагончик и прислонился к стене. Дверь в прорабской оказалась закрытой неплотно и до него стали долетать слова разговора. Хотя подслушивать и нехорошо – решил он, но ведь речь пойдет обо мне. Он осторожно приблизился к двери и тихонько остановился. До него донеслось.

– А кем он работает?

– Да не знаю я точно – инженер вроде.

– Ох и везет же мне на этих инженеров, пять человек записала на дворников из них три инженера, а этот четвертый. Все они, как зарабатывают, так и работают. Сколько он зарабатывает?

– Не знаю.

– А как живут, стенка есть?

- Есть.
- Цветной телевизор есть?
- Нет.
- Магнитофона приличного то же, конечно, нет.
- Нет.
- Что же у них есть?
- Совсем забыла, Люсь, у них машина есть – Москвич.
- Это еще хуже. Когда у банщика, работника торговли или не пьющего таксиста машина, это понятно, а у инженера. Как же он ее купил?
- Да у него отец, насобирал за пятнадцать лет шесть тысяч рублей и купил ему машину.
- Нет, Татьяна – ты как хочешь с ним разговаривай – мне инженеры не нужны.
- Но поговори все же с ним. А вдруг он будет работать хорошо. Он вроде работающий мужик да и жалко их.
- Ладно, позови.
- Когда инженер вошел, на лице Людмилы Викторовны играла приветливая улыбка.
- Здравствуйте.
- Здравствуйте. Вы хотели устроиться к нам дворником.
- Да.
- Давайте, я запишу ваши данные.

Инженер продиктовал.

– Должна вам сказать откровенно. Вы у меня шестой на дворника – кто будет лучше работать и вести себя – она снова мило улыбнулась, того я и оформлю. Сегодня мы убираем первый этаж. Вы помогите, пожалуйста, очистить туалетные комнаты. Безобразники строители забили фекалиями все унитазы – потом займетесь окнами, заканчиваем мы работу в тринадцать тридцать. Всего доброго. Она в который раз, очень мило улыбнулась.

Инженер вышел и умышленно не прикрыв дверь, стал закуривать.

– Пусть повозится в дерьме, и обязательно, чтоб отблагодарил и сейчас, а не через три месяца, тогда само собой отблагодарит, перед оформлением. Ты ему скажи об этом или лучше его жене.

– Само собой – за кого ты меня принимаешь.

Инженер не стал больше подслушивать и пошел в строящийся корпус детского сада.

Выходной

Инженер Соколов сорокалетний, еще крепкий мужчина с широко посаженными глазами и огромными залысинами, проснулся необычно рано. Всю ночь ему снились, какие-то кошмары и мяукала кошка. У него в квартире второй год жила черная лохматая кошка, откуда то, притащила жена для забавы детям. И вот с приближением весны, кошка стала беситься. Часто зализывала свой зад, принимала позы на полусогнутых лапах, подолгу сидела у входной двери и без конца жалобно и противно мяукала. Четыре раза за ночь инженер вставал, выгонял кошку на кухню и закрывал дверь, но через некоторое время она все-таки открывала дверь и опять лезла в постель и мяукала.

За окном еще было темно, и на противоположной от окна стене, свет уличного фонаря отпечатывал шторы. Вот кошка живое существо тоже жить хочет и продолжать свой род. Жена говорила о каких-то таблетках для нее. Но пока она их купит, кошка с ума сойдет. Глаза у нее, уже стали какие-то мутные, шерсть из черной, местами стала рыжей, и вообще, весь вид у нее был драный. Завтра или вернее сегодня, надо тоже перед сном принять снотворное, надоело, и устал я вскакивать. Хоть эти таблетки и вредны для мужчины, но теперь уже все равно. Перед работой надо отдохнуть, а то и так стали поговаривать, что старею, еще чего доброго сокра-

тят, тогда совсем по миру пойдешь. Жена тоже стала какой-то раздражительной. Вчера вечером все жаловалась, что у нее болит голова, а если она у нее заболела, то надолго. Сегодня жди неприятностей. Ее раздражительность, порой граничащая с распушенностью, очень долго не проходит, передается мне и детям и выходной может превратиться в кошмар. Надо самому быть сдержанней, не поддаваться на провокации.

Инженер повернулся несколько раз, улегся поудобней и задремал, но поспать ему не пришлось. Проснувшись младшая дочь. Они спали в маленькой комнате вдвоем, он на софе, а дочка на кушетке. Вчера вечером, уже с полужакрытыми глазами, долго читал ей сказку про Гульдина, а дочка просила еще и еще, пока не уснула

– Пап прочитай про волшебника.

– Спи дочка, еще ночь, видишь темно, придет день, прочитаю – спи.

Дочка на несколько минут успокоилась. Потом встала с кровати, посидела на горшке, задвинула его под кушетку и влезла к отцу на софу.

– Все – подумал он – поспать, конечно, не придется. – Пап почитай, уже светло, ты обещал, обещал.

– Придется почитать, а то все равно будет вертеться как волчок, изомнет всего и станет прыгать, как на батуте – с любовью подумал инженер и взял книжку.

– Почитаю, только сиди тихо и не шабуршись.

Дочка улеглась ему на плечо, доверчиво как может только ребенок, прильнула к нему и затихла. Почитав с полчаса, инженер встал и сказал дочке.

– Ты полежи пока я приготовлю завтрак. Покушаешь, потом играть будешь, а мне убраться надо.

Он надвинул стоптанные домашние туфли, легкие с резинкой штаны, бросовую рубашку и пошел на кухню. Там было холодно. Все последние дни на улице стояли большие морозы, и было очень много снега. Дули холодные ветры. Эти ветра продували плохо подогнанные ставни и хотя их пытались несколько раз затыкать и заклеивать, но по утрам в самые сильные морозы на стеклах образовался лед. Топили плохо – радиаторы батарей были чуть теплые. Инженер включил две из трех конфорок газовой плиты для обогрева и полез в холодильник. Он был почти пустой. Из морозилки инженер достал небольшой кусочек грудинки и долго рассматривал большую коленную кость говядины. Мясо уже давно срезали, а кость оставили для первого. В самом углу, в полиэтиленовой обертке он нашел крошечный кусочек сала. Хватит к обеду поджарить картошки. Заглянул в шкаф – есть пакет. Снова полез в холодильник. Чем же накормить утром детей. Ах, вот не заметил на стенке яйцо, но только одно. Заглянул в хлебницу, хлеба достаточно. Наверное, и на обед хватит. Отломил кусочек черного. Ткнул им в соль, и не торопясь сжевал, чтоб не сосало под ложечкой. По утрам он обычно ничего не ел. В лучшем случае перед работой успевал выпить стакан чая и съесть бутерброд. И до обеда ему хватало. Инженер включил чайник и вошел к жене в большую комнату.

– У нас есть еще деньги? – В доме почти ничего нет – спросил он.

Жена еще лежала и держала в руке книгу.

– А ты что истратил всю десятку, что взял в понедельник.

– А на что же я несколько раз приносил продукты – в тон ей, раздраженно, отвечал инженер – сосиски, хлеб, молоко, мне что это все даром дают – и вышел из комнаты.

Денег нет. Он достал из рабочих брюк мелочь и пересчитал. Рубль сорок восемь копеек. На сегодня не хватит, да и на дорогу завтра оставить нужно. Получка послезавтра. На работе я, конечно, найду немного, а сегодня тоже есть надо. Ну ладно пойду в магазин. Он оделся, обулся, взял сумку, пакет под хлеб и вышел. Уже спускаясь в лифте, он вспомнил, дома есть три пустых бутылки. Вернулся, захватил бутылки и отправился в магазин.

Войдя в магазин, он обалдел, утром в выходной и столько народу. Понятно, это колбасный десант. С пригородов понаехали за продуктами. Им тоже не позавидуешь. Они, наверное, встали часов в пять. Инженер занял очередь и простоял минут пятнадцать.

– И чего я стою – тут проторчишь минут сорок, а в кармане всего полтора рубля.

Он вышел из очереди, сдал бутылки и хотел идти домой, но увидел за прилавком знакомое лицо. Это была соседка по дому. Инженер приятельствовал с ее мужем. Он подошел к ней. Соседка стояла за прилавком еле живая и если бы она не держалась за прилавок, то упала бы.

– Ирочка, что с тобой, на работе, с утра назавтракалась до такой степени, по какому случаю.

Растянув улыбку до ушей и склонив голову набок, она громко и нараспев произнесла.

– Ленька подох.

Инженер посоветовал соседке не светиться и уйти лучше домой и помянуть Леонида Ильича. Идя домой, он решил, перебьемся как-нибудь до обеда. Дома чайник пыхтел и бушевал вовсю. Жена еще лежала. Ну и пусть лежит, молчит и то хорошо. Старшая дочь вчера заболела, у нее поднялась температура, и сегодня еще безмятежно спала. Младшая тихо играла в теплом уголке у батареи, что-то весело и забавно мурлыкала. Инженер заварил чай, нарезал хлеб, настрогал мелкими кусочками сало, сварил яйцо.

– Дочка, иди завтракать – позвал он.

– А читать будешь?

– Буду, иди поешь и почитаю.

Вдвоем с маленькой они попили чай. Дочка съела яйцо, и несколько ломтиков сала. Инженер выпил пару чашек чая и съел три куска хлеба.

– Дочка ты иди, найди книжку, посмотри картинки, а я приберусь на кухне и приду к тебе. Он долго мыл посуду, вынес помойное ведро, оттер пригоревшую плиту, поставил вариться бульон. – Как ни крути, а в магазин идти надо – чуть ли не стихами, подумал он и криво усмехнулся. Старшая встанет, а есть нечего. Он заглянул к меньшей и сказал: – Ты играй, а я быстренько сбегаю в магазин. В магазине, по-прежнему, было много народа. Инженер набрал немного овощей, купил хлеб и встал в очередь. – Николай иди сюда – услышал он и обернулся. На много впереди, стоял его сосед и хороший знакомый. Борис и его приятель были навеселе, и от них пахло спиртным. Они купили только пиво. Поздоровались за руки.

– Николай продай обратно прокладку, помнишь, я тебе продал, а у меня прогорела, ты ее еще не поставил?.

– Нет, не поставил в бардачке лежит.

– Дай рубль – обратился Борис к своему приятелю.

– Дома отдам, а то у меня нет с собой.

Инженер взял два рубля за прокладку и сказал.

– Нужно идти к машине, а ключей с собой нет.

– Сейчас, отнесешь продукты и захвати ключи от машины, мы подождем.

Инженер оттащил продукты домой. Жена встала и он, не раздеваясь, попросил ее подать ключи от машины.

– Я продал прокладку от глушителя за два рубля – надо отдать.

– А если тебе понадобится.

– Ничего сейчас не нужна, лето придет там видно будет – ответил он – посмотри за бульоном.

Втроем мужчины бодро шагали по пышному снегу. Приятели весело болтали. Крепкий мороз щипал за щеки и носы. Дошли до стоянки. Инженер расчехлил машину достал из бардачка прокладку, отдал ее приятелям. Те пригласили его пройтись посмотреть место около железнодорожного полотна, где они застолбили места под будущие гаражи.

– Это несерьезно ребята, кто вам позволит без разрешения – сомневался инженер.

Однако приятели были полны оптимизма, хотя втайне были согласны с опасениями инженера. Они часа полтора бороздили глубокий снег. Размеряли и ставили ветки, потирая при этом уши и притоптывая ногами. По пути домой, спускаясь с высокой насыпи, инженер бухнулся в снег, искупался и весь белый скатился вниз. Все весело хохотали. Инженер вернулся домой продрогший, но бодрый, переоделся в домашнее и на кухню. Он любил готовить. Некоторое время ему пришлось работать в столовой, и с тех пор в шутку считал себя профессионалом, и с удовольствием занимался приготовлением пищи. Как говорил ему настоящий повар – качество пищи не зависит от качества продуктов, а зависит от любви повара к делу. Не торопясь, пока кипело и жарилось, инженер резал и чистил, сразу же убирая отходы в помойное ведро. Начинаясь вторая половина дня, борщ похлипывал в кастрюле и потрескивала жареная картошка на сковороде. Он особенно тщательно разложил все на столе, чтоб было красиво и аккуратно. Хорошо, конечно, когда много разнообразных продуктов, но когда их и мало, очень немаловажна для настроения и аппетита красота, запах пряностей, чистая белоснежная посуда. Инженер аккуратно, не экономя чистые тарелки и чашки, разложил столовые приборы строго симметрично на столе и пошел звать своих.

– Идите кушать, я наливаю.

Он разлил борщ, разложил картошку, чай, ложки, вилки, остатки сала нарезал так тонко и разложил с таким минимальным перекрытием, что занял почти целое блюдо. Красиво веером уложил на отдельную тарелку хлеб.

Как важно все-таки выбрать свой путь правильно, сделать это вовремя и как можно раньше. Я опоздал навсегда. – Ни менять, ни ломать, ничего уже нельзя, скорее сам сломаешься – невесело рассуждал он про себя.

Общего обеда, однако, не получилось. Детей не дозовешься, жена тоже не может бросить тряпки. Шьет и перешивает из барахла, которое нужно просто выбросить. Инженер быстро поел, так и не дождавшись своих, помыл посуду.

Ушел в маленькую комнату и прилег.

– Хватит хандрить и слюни распускать. Надо работать, тогда будет не до хилых философий.. Работать и работать пока есть сила и энергия – он рывком поднялся и быстро набросал на клочке бумажки, что необходимо сделать. – Починить двери, замки разболтались, то закрываются, то нет. Одна конфорка у плиты не работает – надо посмотреть. Зарядить аккумулятор, сделать ящики под рассаду – скоро весна, починить маленькой дочке валенки, ручки на шкафах переломались. Часа два инженер занимался ремонтом. Разбросал по квартире инструмент, насорил опилками и дочка, бегая туда, сюда, растаскивала их по всем комнатам. Комнат-то много, три, но платить за квартиру становится немоготу. Почти половина его заработка уходит на квартиру и машину. Все чаще и настойчивее, он начал подумывать о смене квартиры на более скромную и о продаже машины. Цены на бензин все выше и выше и ездить на собственной машине стало дороже, чем на такси. Но как продать, почти задаром, кому нужна сейчас старая семилетняя машина. С некоторых пор на марку машины, на которой ездил инженер сложили афоризм. Купить, можно продать нельзя. Да, что делать? Надо серьезно как-нибудь поговорить с женой. Придется видимо продать квартиру и машину. Сколько дадут. Инженер сколотил два ящика под рассаду, подтянул винты и шурупы, где было можно и опять стало делать нечего. Опять нужны деньги. Замки и ручки нужно покупать, дратвы и той нет, она видимо стоит не дорого, но и на нее нет лишних десяти копеек. Недавно в обеденный перерыв он подсчитал, что с учетом последних повышений цен, его заработная плата уменьшилась на двадцать пять процентов, а о прибавке не могло быть и речи. Шесть лет добросовестной работы пока не принесли ему никакой прибыли, хотя он был на хорошем счету как специалист. Надо быть сдержанней, даже по технике, не так рьяно отстаивать свою точку зрения. Пообедали сегодня нормально. Но ведь вечером, да где вечером, часа через три опять надо что-то

есть. Первое вечером никто не будет. Избаловались. Как ни крути, завтра утром жевать что-то нужно – придется занимать.

– Нина – обратился он к жене, позвони Татьяне. Ты ей оказываешь некоторые услуги, может у нее найдется немного до завтра – Позвони.

– Позвоню.

Когда жена и дочь усаживались поудобней к телефону, это означало надолго. Они вообще не умели по телефону говорить кратко. Начинали перебирать новости, делиться впечатлениями и каждый разговор, в конце концов, скатывался к описанию вещей, причем они делали это надо отдать должное толково. Однажды инженер решил внимательно прослушать весь разговор и попытался понять его, определить его цель, количество и качество полезной информации, и вообще его целесообразность. Жена долго рассказывала о том, что она была в хозяйственном магазине, что видела и самое главное, что купила за сорок копеек ковшик. Инженер засек время, когда она начала про ковшик и не ошибся. Двенадцать минут шел разговор об этом ковшике. О его форме, цвете, качестве, цене, отделке и так далее. Тогда он подумал. – Вот бы использовать этот запас слов, время и энергию. Жена и дочь ревновали друг друга к телефону и с трудом переживали друг друга. Сейчас жена опять начала телефонный диалог, и инженер напомнил ей, чтоб не забыла занять денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.